

Языковые явления, чувствительные к категории лица

Елена Г. Борисова

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, borisovaeg@mgpu.ru*

Аннотация. В работе рассматриваются языковые единицы: лексика, фразеология, грамматические категории и синтаксические конструкции, которые имеют различную приемлемость, различную семантику и коннотации, а также могут передавать различные интенции в зависимости от того, к какому лицу – и к какому из участников речевого общения – относятся. Показывается, что в ряде случаев общая оценочная характеристика единицы – отрицательное, презрительное, одобрительное или неодобрительное – существенно меняется в высказываниях, где эти единицы отнесены к первому или второму лицу, ср.: *Она красotka* и *Я красotka*. Основной причиной расхождений оказывается оценочность, передаваемая в высказывании, причем отрицательная оценочность играет более важную роль, чем положительная, которая тоже не должна сбрасываться со счетов. Два типа оценочности: входящая в сигнификат слова и входящая в коннотации – четко противопоставляются по возможности использования в высказываниях, относящихся к говорящему. Возникающие при этом дополнительные интенции – раскаяние, оправдание, обвинение и т. п. – соотносятся с культурными установками. Схожие сдвиги были отмечены и для некоторых глагольных категорий. В работе рассматривается сослагательное наклонение со значением пожелания, которое, в зависимости от отнесения к одному из участников общения, может выражать раскаяние, сожаление, обвинение и пр. Делается вывод о специфике коннотационной оценочной характеристики и о возможности ее использования для выражения культурно обусловленных интенций.

Ключевые слова: оценка, эмотивность, фразеологизмы, значение слова, коннотации

Для цитирования: Борисова Е.Г. Языковые явления, чувствительные к категории лица // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 136–147. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-136-147

Language phenomena affectable by the category of the person

Elena G. Borisova

*Moscow City University, Moscow, Russia,
borisovaeg@mgpu.ru*

Abstract. The article deals with the language entities: lexemes, phraseological units grammar categories syntactic constructions that can change their meanings in the speech situation when they are related to the category of person. That means that the nuances, meanings or connotations can emerge when they concern the Speaker or the Hearer. The article reveals such changes when it goes about evaluation – the sense of appreciation or disgust. In fact some lexemes or phraseological units are hardly possible when used with the first person, e.g. *Ya krasotka* ('I am a beauty'). Still the pragmatic studies make it possible to reveal the intentions that appear by such usage. There can be sarcasm, but also remorse and some other intentions that are analyzed in this article. The same analysis is provided for the usage of lexemes and phraseological units in the context of the 2nd Person i/e/ connected with the Hearer. Not only negative but also positive evaluation is taken into consideration. Some cases of evaluation implemented into grammar categories are also analyzed/ These are forms of the Conditional Mood expressing wish (the meaning of Optative). The difference between evaluation expressed by the basic meaning of lexemes and grammemes and that in connotations is revealed. The conclusion is formulated about the cultural specifics of evaluation expressed by connotations that emerge in some pragmatic contexts connected with the Speaker and the Hearer.

Keywords: evaluation, emotions, phraseology, lexical meaning, connotations

For citation: Borisova, E.G. (2022), "Language phenomena affectable by the category of the person", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 1, pp. 136–147, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-136-147

Введение

В 70–80-е годы прошлого века было замечено, что описание некоторых явлений языка не могло быть сделано без учета того, к какому из участников речевого общения относится языковая единица. В частности, изменение оценочной окраски фразеологизма (идиомы) в зависимости от того, характеризует ли он первое лицо или второе, было отмечено В.Н. Телия, говорившей о «я-ты-он-

грамматике». Действительно, действие «подложить свинью» оценивается отрицательно, если это действие собеседника:

(1) *Ну ты подложил мне свинью! Это твоё выступление на кафедре я не прощу!*

И то же самое может иметь положительную окраску, если это действие говорящего:

(1а) *Но зато я ему уж подложил свинью так подложил! Долго будет поминать.*

Происходящее в это же время бурное развитие прагматики подталкивало к установлению связей между семантическими характеристиками единиц и их реализацией в определенных прагматических условиях. Однако, пожалуй, первыми исследованиями, предложившими аппарат для описания взаимодействия, можно считать работы И.А. Шаронова (в том числе в соавторстве с его аспиранткой Ван Мэн) [Шаронов 2018]. В них постулируется прагматическая категория перспективы, относящаяся ко времени относительно действия «временная перспектива» – фактивная и футуральная, и к лицу – говорящему, адресату или объекту обсуждения.

Исследование: материал и методы

Целью данной работы является рассмотрение лексических и грамматических характеристик русского языка, демонстрирующих зависимость от связи с участниками речевой ситуации, и установление механизмов этого взаимодействия. Материалом служат примеры, приводимые в грамматических описаниях, а также в НКРЯ. В основу исследования положен семантический анализ языковых единиц, семантический и прагматический анализ контекста, в котором они употребляются, интроспективный эксперимент, определяющий возможность того или иного примера с точки зрения носителя.

Описание исследования особенностей лексических и фразеологических единиц

В первую очередь обратимся к лексической семантике. Большинство примеров, в которых употребление лексики ограничивается лицом, т. е. характеристикой участника речевой ситуации,

содержат оценочный компонент значения. Значение оценки как важной части лексической семантики активно рассматривалось и в отечественной лингвистике [Арутюнова 1983; Вольф 2020], впоследствии [Маркелова 2013; Тихонова 2015] и др. и в зарубежной [Bartminski 1984; Malrieu 2002; Martin 2000]. Отмечались случаи, когда оценочные компоненты составляют основное значение слова, т. е. входят в сигнификат: *негодяй*, *восторг*. Кроме того, для некоторых слов оценку относят не к основному значению, а к так называемым коннотациям, т. е. дополнительному семантическому комплексу, постоянно характеризующему лексему, однако не входящему в ее толкование [Телия 1986]. К коннотациям относят оценку, эмотивность, иногда стилистические характеристики и ассоциации. Заметим, что Ю.Д. Апресян отказывается признавать коннотации в таком объеме частью лексической семантики, оставляя за ней небольшую сферу, включающую отношение говорящего [Апресян 1992]. Однако взамен он постулирует так называемый прагматический компонент значения, включающий многие смыслы, нередко относимые к коннотациям [Апресян 1988].

При рассмотрении лексики в различных контекстах обращает на себя внимание, что слова с негативной окраской делятся на две группы по возможности употребления к первому лицу, т. е. к самому себе. Первую группу составляют слова, в значение которых входит фрагмент смысла «это плохо», т. е. слова с негативным компонентом в сигнификате: *мерзавец*, *предать* – *предавать*, *гнилая душонка*, *гнусный* и т. п. Для таких единиц употребление в отношении к первому лицу (т. е. говорящего к самому себе) достаточно редко, но все-таки возможно в двух случаях: для выражения интенции раскаяния и для цитации, как правило, иронической, см.:

(2) *Но все ж обидно мне, что поступил я гадко, хотя бы и во сне.*

Говорящий оценивает свое действие негативно и выражает сожаление («обидно мне») из-за того, что он его сделал: так можно описать ситуацию раскаяния.

(3) *Что ж посмел я намаракать / Пакостиник я и злодей?* (Б.Л. Пастернак, пример из НКРЯ)

В этом знаменитом стихотворении Б.Л. Пастернак явно использует негативную номинацию в свой адрес, не разделяя ее, так как дальше объясняет, насколько она необоснованна:

(За) *Я весь мир заставил плакать / Над красой земли моей (пример из НКРЯ).*

Иная – с прагматической точки зрения – ситуация складывается, когда негативная оценка оказывается менее завязанной на самом значении: *хитрован, подстава, ложный, провоцировать, ставить палки в колеса*. Различие заключается в том, что негативность не декларируется словом в явном виде, а принимается как дополнительная характеристика действия. Если в первом случае смысл «это плохо» включается в значение слова, то для большего числа высказываний, относимых ко второму случаю, обычно постулируется предложение разделить негативную точку зрения автора:

(4) *Но руководство пошло на обман.*

В отличие от включения смысла «плохо» непосредственно в значение слова, в этом случае в значение слова, видимо, следует включить смысл действия: обман – введение в заблуждение. Понятно, что смысл «и это плохо» тоже передается этим словом, однако он оказывается не ключевым и в какой-то мере может быть вытеснен, замаскирован или нейтрализован в речи. Видимо, можно говорить об общих культурных установках: такие действия расцениваются отрицательно. Однако общие принципы оценки могут подвергаться изменениям в разных ситуациях:

(4а) *Мне пришлось пойти на обман.*

В этих случаях помимо двух перечисленных вариантов: раскаяния (4а) и иронии

(4б) *Естественно, оказалось, что я пошел на обман и вообще пустился во все тяжкие.*

Возможна еще одна интенция говорящего, употребляющего эти единицы по отношению к себе. Ее можно описать как разновидность хвастовства, связанного с насмешкой над объектом:

(5) *Тут я для них и заготовил подставу: простенький такой обман.*

Заметим, что для таких слов характерна вариативность в восприятии степени негативности, что частично находит отражение в различных психолингвистических исследованиях [Борисова 2012]. Таким образом, соотношение с первым лицом (с говорящим) позволяет четко разделить лексику с негативным компонентом значения и слова, которые тоже передают негативную оценку, однако она подается не столь прямо. Нередко о таких случаях утверждается,

что речь идет о негативном смысле, входящем не в основное значение, а в коннотации. В последнем случае оценочные компоненты находятся в тесной связи с общекультурными установками, позволяющими варьировать оценочность.

Рассмотрим теперь переходные глаголы, имеющие лексику с оценочным компонентом в обозначении объекта. Действия, предполагающие вовлечение еще одного лица – объекта, могут иметь ограничения в зависимости от того, с кем из участников ситуации отождествляется этот объект: если негативное действие направлено на 1-е лицо (т. е. выражено местоимениями *меня, мне*), то предложение чаще носит обвинительный характер; ср.:

(6) *Он мне дал ложные сведения.*

Для второго лица употребление слов с негативным значением приобретает характер угрозы:

(6а) *Ты мне подсунил ложные сведения.*

Обратимся теперь к изменениям в значении высказывания со словами, имеющими положительную оценочность. Если речь идет о вхождении оценки в значение слова: *восторгаться, триумфальный, восхитительный*, то употребление этих слов по отношению к 1-му лицу, т. е. говорящему, носит или несколько иронический (в меньшей степени, чем для негативной лексики) характер:

(7) *Я, лапочка и душка, конечно, сделал все, как просили,*

или представляет собой реальное проявление восхищения:

(8) *Сегодня я – гений!* (слова А.А. Блока).

Если же речь идет о положительной окраске слов: *успешный, продвинутый, мастер, достичь*, – то такие слова могут употребляться и по отношению к первому лицу, и ко второму достаточно спокойно. Заметим, однако, что положительная окраска может легко смениться на отрицательную в зависимости от того, к чему относится похвала – к хорошим вещам (как в примерах) или к плохим: *мастер пыток, продвинутый взломщик*.

Напрашиваются следующие выводы. Использование лексики, содержащей оценку, зависит от ее отношения к участникам речевой ситуации – в первую очередь, от отнесения к первому лицу, а в чем-то и ко второму. Различия связаны с установками говорения:

говорящий может себя отрицательно оценивать, обычно только если это сопровождается раскаянием. Другой вариант возможен при иронической подаче информации, которая связана с изменением части смысла на противоположный, в нашем случае – оценочного компонента значения.

Более широкие возможности имеются у оценочной лексики, для которой оценочность приписывают не основному значению, а коннотациям. Поскольку в таких случаях оценочность не несет абсолютного характера, а связана с представлениями о хорошем или плохом социальных групп (в отличие от оценки в сигнификате, закрепляемой в языке достаточно прочно), то в этом случае можно утверждать, что коннотации представляют собой знания, связанные с культурными традициями оценки. А такие установки допускают более широкую интерпретацию.

Исследования грамматических категорий, связанных с выражением оценки

Чтобы показать, что зависимость от категории лица обнаруживается не только в лексике, рассмотрим некоторые грамматические, в частности глагольные категории. Здесь обнаруживается чувствительность к категории лица глагольных категорий, связанных с модальностью. Они тоже могут зависеть от отношения сообщения к говорящему и, реже, слушающему. Ярче всего это проявляется в повелительном наклонении, которое во многих языках в принципе может быть отнесено только ко второму лицу. В русском языке первое и третье лицо могут использоваться для выражения интенций призыва:

(9) *Пойдем...*

(9а) *Пусть сделают ...*

Или пожелания:

(10) *Закончили бы мы пораньше*

Заметим, что эта интенция возможна и для второго лица:

(10а) *Пришел бы ты завтра пораньше, а?*

В ряде языков эта интенция грамматикализована и связана с категориями опатива и схожими модальностями.

Пожелание тоже может быть связано с выражением нескольких интенций в зависимости от того, к какому участнику речевой ситуации относится высказывание. Возможности варьирования смысла определяются тем, насколько желательным представляется событие. В частности, по отношению к первому лицу пожелание, относящееся к желаемому событию, чаще всего передает оттенок сожаления:

(11) *Эх, согласился бы я тогда, не пришлось бы столько возиться.*

Пожелание, относящееся ко второму лицу, приобретает оттенок упрека:

(12) *Не опоздал бы ты тогда, насколько все бы упростилось.*

Поскольку указана нереальность события, адресат, который этого не обеспечил, оказывается виноват в том, что не состоялся и вариант реальности – заведомо желаемый, что можно рассматривать как обвинение или, по крайней мере, более слабый его вариант – упрек.

Возможно и прямо противоположное ощущение радости от того, что удалось избежать опасности:

(13) *Пришел бы я чуть пораньше – и балка могла упасть мне на голову.*

Таким образом, в тех случаях, когда глагольные категории получают возможность выражать оценочные значения и связанные с ними модальности (в частности, желательность), высказывания меняют выражаемые ими интенции в зависимости от того, какое место занимают актанты события в речевой ситуации. Здесь наблюдаются следующие возможности: сослагательное наклонение в первом лице (*пошел бы я, пойдя я*) может передавать сожаление, что это не совершилось, но также и радость по поводу того, что удалось избежать опасности – в зависимости от продолжения: благоприятно оно или нет. Те же самые формы во втором лице могут передавать пожелание (*сделал бы ты все вовремя!*), упрек (*сделал бы ты все вовремя, см. 12*). По отношению к третьему лицу возможны те же значения, которые отмечают в грамматике как значения сослагательного наклонения: пожелание, сожаление.

Мы можем сделать вывод, что обращение к 1-му и 2-му лицу вносят изменения, вызванные условиями общения, а именно наличие оценки (какое-то действие считается хорошим), модального потенциала (имело или нет место действие в реальности) и отра-

жение роли первого и второго лица в общении. Так, второе лицо позволяет ввести значение упрека: сожаление о сделанном и при обращении ко второму лицу – вывод о вине собеседника. Для первого лица отрицательная оценка имплицитно подразумевает сожаление и раскаяние. В основных чертах ситуация близка к тому, что мы наблюдали при употреблении лексических и фразеологических единиц с отрицательной коннотацией. Здесь положительная коннотация желательности меняется на противоположную из-за того, что наклонение передает (в этих случаях) несостоявшееся действие.

Заключение

Таким образом, обнаруживается, что значение высказывания в некоторых случаях зависит от того, к какому лицу относится сообщение. Это явление отмечается нами для тех случаев, когда в семантику лексемы или грамматической формы входит значение оценки (хотя не исключено, что оно к оценке не сводится, но это уже не попало в наше рассмотрение). Для лексемы это имеет место тогда, когда оценочность входит в значение (сигнификат) слова: *негодяй, прекрасный, провалить* и когда оценка соотносится с второстепенной частью значения, которую принято называть коннотацией: *мастер, обманщик, подложить свинью*. В грамматическом аспекте нами было рассмотрено сослагательное наклонение со значением желательности, т. е. оценка (а желательным бывает то, что считается хорошим) здесь совмещается с модальными значениями «это не имеет место в реальности» и «это могло быть в реальности».

Включение в сообщение участников ситуации связано с возможностями оценочного характера (аксиологической и деонтической модальностью), в частности с имеющимися в обществе представлениями о возможных оценках и самооценках. А именно: предполагается, что в большинстве случаев говорящий сообщает о себе нечто положительное. И в то же время эта оценка не должна превосходить определенные пределы. Поэтому отрицательная оценка говорящего, передаваемая словом с негативным значением, возможна при выражении раскаяния: «Понимаю, что плохо, и сожалею». Возможна, конечно, и ироническая (инвертированная) подача. В тех случаях, когда негативность не входит в толкование, допустимо и употребление ее по отношению к себе с дополнительными оттенками издевки, хвастовства и т. п. По отношению к адресату негативная лексика приобретает характер обвинения или угрозы.

Схожие трансформации мы наблюдаем и для выражения желательности, которое по отношению к первому лицу приобретает от-

тенок раскаяния или сожаления, а в отношении второго – характер упрека (что все-таки мягче угрозы).

В то же время во многих культурных традициях, и в том числе русской, нежелательна высокая самооценка. И употребление по отношению к первому лицу положительной оценочности тоже получает дополнительные оттенки интенции самоиронии.

Таким образом, получается, что там, где в речи появляются оценочные моменты, начинает играть роль отнесение высказывания к участнику ситуации, и возникают дополнительные оттенки как выводы из этих культурных установок значений. В тех случаях, когда оценка, как принято считать, входит не в само значение слова, а в так называемые коннотации, она еще не лексикализовалась и возможны варианты интерпретации.

Литература

- Апресян 1988 – *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Прагматика и проблемы интенсивности*. М.: АН СССР, 1988. С. 7–44.
- Апресян 1992 – *Апресян Ю.Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке: Виногр. чтения XIX–XX*. М.: Наука, 1992. С. 45–64.
- Арутюнова 1983 – *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Борисова 2012 – *Борисова Е.Г.* «Эгоист ужасный/прекрасный» (о вариативности оценки в лексических коннотациях) // *Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост., отв. ред Л.Л. Федорова* М.: РГГУ, 2012. С. 140–146.
- Вольф 2020 – *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2020. 280 с.
- Маркелова 2013 – *Маркелова Т.В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Изд-во МГУП, 2013. 297 с.
- Телия 1986 – *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 143 с.
- Тихонова 2015 – *Тихонова М.А.* Словарь оценочной лексики русского языка как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // *Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»*. 2015. № 3. С. 131–139.
- Шаронов 2018 – *Шаронов И.А.* Русские пословицы в диалоге: дискурсивно-прагматический подход к описанию // *Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете*. Барселона, 2018. С. 1590–1598.

- Bartminski 1984 – *Bartminski J.* Definicja leksykograficzna a opis Języka in Stownictwo w opisie języka // *Prace naukowe Uniwersytetu Slaskiego*. Katowice: Uniwersytet Śląski, 1984. S. 9–19.
- Malrieu 2002 – *Malrieu J.-P.* *Evaluative Semantics*. London, New York: Routledge, 2002. 328 p.
- Martin 2000 – *Martin J.R.* *Beyond exchange. Appraisal systems in English* // *Evaluation in Text* / Ed. by S. Hunston, G. Thompson. London: Oxford University Press, 2000. P. 142–175.

References

- Apresyan, Yu.D. (1988), “Pragmatic information for an explanatory dictionary”, in *Pragmatika i problemy` intensivnosti*, Institut yazykoznaniya AN SSSR, Moscow, USSR.
- Apresyan, Yu.D. (1992), “Connotations as a Part of Word Pragmatics. Lexicographic Aspect”, in *Russkij yazyk. Problema grammaticeskoy semantiki i ocenochny`e faktory v yazyke*, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D (1988), *Tipy` yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, USSR.
- Bartminski, J. (1984), “Lexicographic definition and describing the language”, in *Stownictwo w opisie języka*, *Prace naukowe Uniwersytetu Slaskiego*, Katowice, Poland.
- Borisova, E.G. (2012), “ ‘Wonderful/awful egoist’. Variability of evaluation in lexical connotations”, in Fedorova, L.L. (ed.), *Variativnost` v yazyke i kommunikatsii*, RGGU, Moscow, Russia, pp. 140–146.
- Malrieu, J.-P. (2002), *Evaluative semantics*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Markelova, T.V. (2013), *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and semantics of Russian means of evaluation], MGUP, Moscow, Russia.
- Martin, J.R. (2000), *Beyond exchange. Appraisal systems in English*, in Hunston, S. and Thompson, G. (eds.), *Evaluation in text*, Oxford University Press, London, UK.
- Sharonov, I.A. (2018), “Russian proverbs in dialogue. Disourse-pragmatis approach”, in *Aktual`nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoi konferencii rusistov v Barselonskom universitete*, Barselona, Spain. pp. 1590–1598.
- Teliya, V.N. (1986), *Konnotativny`j aspekt semantiki nominativny`x edinic* [Connotative Aspects of Semantics of Nominative entities], Moscow, Russia.
- Tikhonova, M.A. (2015), “Dictionary of evaluative lexis as a way of interpretation of axiological semantics”, *Vestnik RUDN. “Teoiya yazyka. Semiotika. Semantika” Seriya*, no. 3, pp. 131–139.
- Vol`f, E.M. (2020), *Funkcional`naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Г. Борисова, доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 129117, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4; borisovaeg@mgpu.ru

Information about the author

Elena G. Borisova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 4, 2nd Selskokhozyastvenny Line, Moscow, Russia, 129117; borisovaeg@mgpu.ru